

творец, вить жеребчик мой быть должен, потому что моя кобыла его принесла. Неправда! мой друг! — отвечал другой, — мои роспуски ожеребились. — О! какой ты безумный, — сказал первой, — согласно ли то с натурой, чтоб роспуски родили жеребца; етому никогда быть нельзя. — На то отвечал другой: скоряе могут роспуски родить жеребца, нежели ты можешь сделать водяной свод на облаках, сам живучи на земле, как я помню, что ты Ксерксу, въезжающему в столичный город, приписал такую похвалу, что будто на небесах ты видел водяной свод, которого никто кроме тебя сделать не мог; в другом месте ты написал, что реки текут млеком и медом, помнишь еще, когда ты от государя получив несколько талантов серебра, то ты ему сочинил за то великую похвалу и написал, что ты в золотой колеснице летал по небесам, во-первых, что в колеснице летать нельзя, а надобно ездить; потом, что из того места, в котором государь был в то время от того, в котором ты жил, не будет больше сорока верст, и очень худое сравнение от небес до земли; ты также сказал, что в то время умножил число звезд, и ежели все то по твоему мнению статья могло, чего же тебе удивляться, когда мои роспуски ожеребились; — на то с гневом ответил стихотворец: в таких моих похвалах была аллегория, и стихотворцам все вольно». . . и т. д. (Приключения Фемистокла, 1763, стр. 169—171).

Этот пассаж книги Эмина замечателен. Он содержит прозрачные намеки на современных ему поэтов, притом на двух сразу, именно на Ломоносова и Сумарокова. Может быть, самое характерное здесь именно то, что Эмин считает возможным объединить обоих этих поэтов, столь враждебных один другому, в том же самом сатирическом выпаде. Повидимому, то, что разделяло Сумарокова и Ломоносова, было нейтрализовано для Эмина, и для него на первый план выступали общие признаки, свойственные им обоим. Сточки зрения Эмина и Ломоносов и Сумароков — прежде всего поэты «верхов», и тем самым оба они и сходны и в равной мере эстетически ему враждебны. С точки зрения буржуазной эстетики спор Ломоносова и Сумарокова также не существует, поскольку выдвигается новый спор, подвергающий сомнению все навыки литературы классицизма в целом, причем носителем новой разрушительной силы выступает сам Эмин.

Первая половина отрывка, приведенного выше, относится, повидимому, к Сумарокову; вторая — к Ломоносову. В этой второй части идет речь об оде, сочиненной поэтом, когда он «от государя получил несколько талантов серебра», причем «из того места, в котором государь был в то время, от того в котором жил» поэт, «не будет больше сорока верст»; здесь имеется в виду ода Ломоносова, «в которой се величеству благодарение приносится за оказанную ему высочайшую милость в Сарском селе августа 27 дня, 1750 года» (Собрание разных сочинений в стихах и прозе. . . Михаила Ломоносова, кн. I, 1757, стр. 93—100).

Во второй строфе этой оды говорится: